https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-235-244
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. А. С. Акимова
Москва, Россия

«В УСАДЬБАХ НА МОСКВЕ»: РОМАН А. Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ» КАК УСАДЕБНЫЙ ТЕКСТ

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129).

Аннотация: Детство Алексея Николаевича Толстого прошло на степном хуторе Сосновка, где находилось имение отчима А. А. Бострома. Впоследствии писатель воспроизводил на страницах своих произведений как внешний облик знакомых ему имений, так и обитателей усадеб и их быт. Крестьянские дворы, жизнь мелкопоместной самарской усадьбы (хутора), городская усадьба — все, что Толстой видел в детстве, обрело форму в его произведениях и, в частности, в усадебных текстах, к которым, несомненно, можно отнести роман «Петр Первый». В статье роман А. Н. Толстого «Петр Первый» рассматривается как усадебный текст. Действие первой книги романа разворачивается в Москве, в Китай-городе. Толстой в мельчайших подробностях воссоздает ушедшую в прошлое жизнь города и его обитателей, которая в конце XVII – начале XVIII вв., по признанию историка И. Е. Забелина, была похожа на большую деревню. Описания крестьянских дворов, помещичьих усадеб и княжеских палат создаются с опорой на личные впечатления автора, с одной стороны, на исторические источники, с другой, и образуют единый усадебный сюжет, тесно связанный с судьбами героев (вымышленных и исторических), с жизнью города и государства. В романе дается подробное описание двора небогатого крестьянина Бровкина, обедневшего дворянина Волкова, а также созданное с опорой на свидетельства французского посланника Де Невиля и труд С. М. Соловьева детальное изображение московских палат князя В. В. Голицына. Детские воспоминания, исторические источники и творческое воображение позволяют Толстому воссоздать в мельчайших подробностях не только образ утраченной Москвы Петровского времени, но и воскресить на страницах романа ее обитателей.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, роман «Петр Первый», усадебный текст, С. М. Соловьев, история Москвы.

Информация об авторе: Анна Сергеевна Акимова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0732-1854. E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Дата поступления статьи: 09.09.2019
Дата публикации: 28.12.2020
Для цитирования: *Акимова А. С.* «В усадьбах на Москве»: роман А. Н. Толстого «Петр Первый» как усадебный текст // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 235–244. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-235-244

Зарождение русской усадебной культуры связано с Соборным уложением 1649 г., в котором впервые дворянам предоставлялось право передавать свое поместье («усадище и к усадищу пашни») в наследство. В. И. Даль определял «усадище» (и однокоренные слова «усад», «усадьба», «усадбище») как «господский дом на селе, со всеми ухожами, садом, огородом» [7, с. 510]. В исследовании Л. И. Густовой, посвященном усадебному топосу русской поэзии XVIII – первой трети XIX вв., показано, что в разные исторические эпохи господский дом с прилегающими к нему службами, т. е. усадьбу в современном понимании, называли иначе: вместо термина «усадьба» в лирике XVIII – начала XIX вв. чаще употреблялось понятие «деревня», синонимичное в рассматриваемую автором эпоху понятию «усадьба» [6]. Только во второй половине XIX в. эти термины будут разведены, а за словом «усадьба» в русской культуре закрепится его привычное значение, а именно архитектурный ансамбль с парком и хозяйственными постройками (подробнее о значении термина см.: [4, с. 468; 8, с. 53–55]).

Усадьбой традиционно называются не только дворянские поместья, но и крестьянские дворы, состоящие из избы и прилегающих к ней хозяйственных построек (гумно, хлев, конюшни), а также городские усадьбы с главным домом, служебными постройками и садом. С другой стороны, необходимо учитывать традицию наименования усадеб, сложившуюся в конкретном регионе России. Так, например, в Самарской губернии, связанной с жизнью и творчеством А. Н. Толстого, дом на селе с примыкающими к нему службами и угодьями называли хуторами (об истории усадеб Самарской губернии см.: [1; 3]). Как пишет С. А. Бабина в Самарской губернии, «отдаленной от центра, сравнительно с центральными губерниями, было гораздо меньше помещиков, несмотря на обширность земельных угодий» [3, с. 75]. С точки зрения архитектурных особенностей имений и хозяйственно-экономической деятельности их владельцев они подразделялись на крупнопоместные, средние и мелкие. К крупнопоместным имениям, например, относилось имение отца Толстого, графа Николая Александровича Толстого, действительного статского советника, предводителя дворянства Самарского уезда Самарской губернии. В его имении при с. Александровка был господский дом, деревянный, на каменном фундаменте, крытый железом (см.: [3, с. 77]). Дом был простым одноэтажным, длинным, похожим на барак, окна — небольшие, комнаты тесные и неуютные, рядом с домом находились хозяйственные постройки (пятистенная кухня, дом для рабочих и управляющего, теплица, амбары, кузница, мельница, многочисленные сараи для скота и птицы). В усадьбе было два пруда, «а возле барского дома разбит большой сад с фруктовыми деревьями, кустарником, цветник» (цит. по: [3, с. 77]).

Детство Толстого прошло в Сосновке, степном хуторе отчима, Алексея Аполлоновича Бострома, в 70 верстах от Самары, куда семья переехала в октябре 1883 г., когда Толстому было около 10 месяцев. Хутор насчитывал 81 двор. Отчим Толстого был земским деятелем, мелкопоместным землевладельцем. «Помещичьи дома мелкопоместных дворян чаще всего представляли собой обычные деревянные, не отличавшиеся изысканностью архитектурных форм постройки, имевшие небольшие площади с малым количеством хозяйственных сооружений» [3, с. 80]. Толстой вспоминал, что

в Сосновке он жил «созерцательно-мечтательной жизнью» [2, с. 27], в «Краткой автобиографии» он писал: «Сад. Пруды, окруженные ветлами и заросшие камышом. Степная речонка Чагра. Товарищи — деревенские ребята… <…> Смены времен года, как огромные и всегда новые события» [2, с. 25]. Зимними вечерами, «когда ветер заводил песни в печных трубах, в столовой, бедно обставленной, штукатуренной комнате, зажигалась висячая лампа над круглым столом, и вотчим обычно читал вслух Некрасова, Льва Толстого, Тургенева или что-нибудь из свежей книжки "Вестника Европы"…», мать вязала, Леля рисовал или раскрашивал [2, с. 25]. Впоследствии Толстой неоднократно воссоздавал не только усадебный быт, но и облик знакомых ему имений на страницах своих произведений. В написанной в эмиграции повести «Детство Никиты», по справедливому утверждению М. А. Перепелкина, «усадьба является не просто фоном для происходящих в повести событий, но выступает в качестве одного из главных героев произведения» [14, с. 40]. Сложный мир русской усадьбы воссоздается в «Детстве Никиты» при помощи изображения таких важных элементов усадебного пространства, как двор, кузница, амбар, погребица, каретник, сараи, скотный двор, сад и пруды, что становится предметом анализа статьи самарского исследователя жизни и творчества Толстого [14, с. 22–40].

Из Сосновки семья уехала в 1897 г., но на летние месяцы в 1898 и 1899 гг. приезжали на хутор, т. е. до его продажи в 1899 г. С конца 1899 г. семья Толстого жила в Самаре на Саратовской улице (ныне Фрунзе) в квартире одного из двух домов городской усадьбы, построенной в 1881–1882 гг. по заказу штабс-капитана А. И. Вернера.

Крестьянские дворы, жизнь мелкопоместной самарской усадьбы (хутора), городская усадьба — все, что Толстой видел в детстве, обрело форму в его произведениях и, в частности, в усадебных текстах, к которым, несомненно, можно отнести роман «Петр Первый».

Действие первой книги в основном разворачивается в Москве, в Китай-городе, на страницах романа автор в мельчайших подробностях воссоздает ушедшую в прошлое жизнь города и его обитателей. В конце XVII – начале XVIII вв. Москва была похожа на большую деревню. На это указывал, в частности, И. Е. Забелин в «Истории города Москвы» (М., 1902), ссылаясь на свидетельства иностранцев: «Это был город не только деревянный, но и вполне деревенский… <…> ибо тысячи дворов на самом деле состояли из простых крестьянских изб повсюду с немощеными переулками и только большие улицы назывались мостовыми, потому что покрыты были деревянными мостами из отесанных и даже неотесанных бревен...» [9, с. 170]. Неудивительно, что в описании московских улиц Толстой опирался на свои детские воспоминания. «Я думаю, если бы я родился в городе, а не в деревне, — признавался он, — не знал бы с детства тысячи вещей, — эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гаданья, сказки, лучины, овины, которые особым образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями» [19, с. 414].

Роман «Петр Первый» начинается с описания крестьянского двора Бровкиных близ Москвы: «Санька соскочила с печи, задом ударила в забухшую дверь. За Санькой быстро слезли Яшка, Гаврилка и Артамошка: вдруг все захотели пить, — вскочили в темные сени вслед за облаком пара и дыма из прокисшей избы. Чуть голубоватый свет брезжил в окошечко сквозь снег. Студено. Обледенела кадка с водой, обледенел деревянный ковшик» [18, с. 5]. Отец семейства, Ивашка Бровкин, направляется в Москву, сопровождая ратных людей по требованию боярина Волкова, в столице его сме-

няет сын, Алешка, отданный боярину в вечную кабалу за недоимки. Именно он пробирается по ухабистым дорогам мимо деревянных изб, «кучи золы, падаль» [18, с. 12]. Ревущий скот на Никитской, кабак, усадьба обедневшего дворянина Волкова и двор Меншиковых — пространство города расширяется с каждым новым «адресом»: «Беги к Тверским воротам», к Даниле Меншикову — отправляет Алешку Михайла Тыртов; «у Серпуховских ворот» видит цыган с медведями Алексашка, «на Варварке» стоит кабак. Вместе с героями читатель попадает в Кремль, где разворачиваются судьбоносные для страны события. Москва в романе Толстого имеет свою судьбу, которая оказывается неразрывно связанной с жизнью героев и страны. С Петра, писал Забелин, «начинается ее новая история» [9, с. 167]. Традиционный деревенский уклад неминуемо будет разрушен петровскими нововведениями (политес, утренний кофе, непривычные наряды), показанными в начале второй книги глазами тоскующего по старине боярина Буйносова.

После публикации романа в журнале «Новый мир» (1929. № 7–12; 1930. № 1–7) Толстой, готовя текст романа для отдельного издания (Л.: Прибой, 1930), внес, в частности, ряд изменений в описание жизни московских обитателей: «Жили по-медвежьи за крепкими воротами, за неперелазным тыном в усадьбах на Москве. В день отстаивали три службы [, — *утреннюю, до еды, обедню и вечерню*]»[1] (ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 268 в. Л. 84); в описание улицы: «По Никитской гнали **по навозной дороге** ревущий скот — на водопой на речку Неглинную. [*Навозом обозначилась дорога посреди улицы. С боков ее коровы проваливались в слабый снег по брюхо*]» (ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 268 в. Л. 32). Небольшая правка была внесена и в изображение дома и быта семейства Бровкиных в самом начале романа: «Чуть голубоватый свет брезжил в щели сквозь снег» — «щели» исправлено на «окошечко» в отдельном издании (далее — *Прибой*).

Прибывший на волковскую усадьбу Ивашка Бровкин видит богато украшенный дом с крыльцом и подклетом для хранения запасов, однако «мужики знали, — в кладовых у него одни мыши. А крыльцо — дай бог иному князю: крыльцо богатое» [18, с. 8]. Основательность и роскошь постройки в тексте «Нового мира» передавали оценочные эпитеты в словосочетаниях: «ворота из кондового леса», «с дубовыми вереями», «крыша расписная», «глухое, без окон», отсутствующие в отдельном издании:

«Новый мир»	Прибой
Ивашка и Цыган оставили коней около ворот из кондового леса с дубовыми вереями. Над воротами под двухскатной крышей — образ честного креста господня. Вровень их шел кругом усадьбы неперелазный тын <…> Красивое крыльцо: крыша расписная — луковицей, все — резное, красное, по дереву пущены травы, птицы <…> Нижнее жилье избы — подклеть — глухое, без окон, из могучих бревен [12, с. 70].	Ивашка и Цыган оставили коней около высоких ворот. — Над ними под двухскатной крышей — образ честного креста господня. Вровень их тянулся кругом усадьбы неперелазный тын <…> Красивое крыльцо, крыша луковицей, все — резное, красное, по дереву пущены травы <…> Нижнее жилье избы — подклеть — из могучих бревен [18, с. 8].

[1] Здесь и далее подвергшийся правке текст дан в динамической транскрипции: вычеркнутый текст дан светлым курсивом и заключен в квадратные скобки [ ]; вставленный текст набран полужирным прямым шрифтом.

Сын московского служилого дворянина Василий Волков, хозяин усадьбы, был поверстан землей с крестьянами, поставил усадьбу и протратился, заложил половину земли в монастыре — «монахи дали деньги под большой рост — двадцать копеечек с рубля. А надо было по верстке быть на государевой службе на коне добром, в панцыре, с саблею, с пищалею и вести с собой ратников, мужиков, троих на конях же, в панцырях, в саблях, в саадаках… Едва-едва на монастырские деньги поднял он такое вооружение. А жить самому? а дворню прокормить? а рост плати два раза в год?» [18, с. 6]. Накануне позорной верстки к Василию приезжает обедневший дворянин Михайла Тыртов. В разговоре о нищете и разбоях на московских улицах возникает образ роскошной усадьбы «оберегателя, любовника царевны-правительницы» [18, с. 64] (ср. у Соловьева: «19 октября 1683 года Голицын получил титул... <…> "Царственной бльшой печати и государственных великих посольских дел оберегателя"» [16, с. 979]) Василия Голицына: «Василий Васильевич Голицын палаты воздвиг на реке Неглинной. Снаружи обиты они медными листами, а внутри — золотой кожей. Казной сундуки набиты…» [18, с. 11]. В журнале «Новый мир» в описании были некоторые сокращенные в дальнейшем детали: «веницейские заркала», полки с серебряной и золотой посудой («В палатах — веницейские зеркала. От золотой, серебряной посуды полки ломятся… Казной сундуки кованые набиты… А вот нам с тобой, Василий, этого сроду не видать…» [12, с. 73]).

На протяжении всего романа крестьянские усадьбы называются дворами, имения помещиков и дворян — усадьбами. Так, например, в свои усадьбы возвращаются «ополченцы-помещики» из второго Крымского похода (1689): «Стрелецкие полки уже давно разместились по слободам, ополченцы-помещики вернулись в усадьбы, а по Курской, Рязанской и Смоленской дорогам все еще брели в Москву раненые, калеки и беглые» [18, с. 123]. Усадьбой называется владение обедневшего сына дворянского Волкова: «Василий поставил усадьбу», «на усадьбе же у Волкова», «кровлями и дымами волковской усадьбы», «вровень их тянулся кругом усадьбы неперелазный тын» и т. д. Московским усадьбам в романе противопоставлены «палаты» (так обозначались каменные постройки или пышные деревянные помещения (подробнее о наименовании Голицынских палат в: [10 с. 26]) и двор князя Голицына, описание которых образует отдельный сюжет, связанный не только с трагической судьбой их владельца, но и историей государства.

Наметившаяся в разговоре двух обнищавших дворян оппозиция «бедность горожан — великолепие голицынской усадьбы» развивается в следующих главах: «Вдоль Охотного ряда, завиваясь, бродили пыльные столбы. Белое солнце знойно висело над Москвой. Духота, мухи, зловоние. Из-под колес шарахались паршивые собаки, глодавшие базарные отбросы. В ленивой оборванной толпе голосили юродивые, гнусили нищие, Лазаря пели слепцы, подняв пустые глаза к невидимому граду.

Но рядом, на голицынском дворе, было чисто и чинно. Жарко блестели, от крыши до земли, медные стены дома. У входа на персидских ковриках стояли два рослые мушкетера — швейцарцы... <…> На стенах, обитых золоченой кожей, висели парсуны, или — по-новому — портреты, — князей Голицыных и в пышной веницейской раме — изображение двоеглавого орла, державшего в лапах портрет Софьи. Французские — шпалерные и итальянские — парчевые кресла, пестрые ковры, несколько стенных часов, персидское оружие, медный глобус, термометр аглицкой работы, литого серебра подсвечники и паникадила, переплеты книг, и на сводчатом потолке — расписанная

золотом, серебром и лазурью, небесная сфера — отражались многократно в зеркалах, в простенках и над дверями. Гость с одобрительным любопытством поглядывал на сие наполовину азиатское, наполовину европейское убранство [18, с. 63–64].

Гость Голицына — французский посланник Фуа Де ла Невилль, автор «Любопытных и новых известий о Московии» (1689), высоко оценивший государственный ум «великого Голицына» [15, с. 445]. «Один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав», — писал де Невилль [15, с. 441].

Вероятно, в описании убранства палат Толстой опирался на труд С. М. Соловьева, который приводил свидетельство принятого Голицыным де Невилля: «Описывая свой первый прием у первого министра, он говорит: “Я думал, что нахожусь при Дворе какого-нибудь итальянского государя <…>. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе”» [16, с. 1050]. И далее Соловьев приводит подробное описание убранства Голицынских палат, но уже ссылаясь на опись дома, сделанную после его свержения: «В палате подволока накатная, прикрыта холстами, в середине подволоки солнце с лучами вызолочено сусальным золотом; круг солнца беги небесные с зодиями и с планеты писаны живописью; от солнца на железных трех прутах паникадило белое костяное о пяти поясах, в поясе по осьми подсвечников; цена паникадилу 100 рублей. А по другую сторону солнца — месяц в лучах, посеребрен; круг подволоки в 20 клеймах резных позолоченных писаны пророческие и пророчиц лица. В четырех рамах резных четыре листа немецких, за лист по пяти рублей. Из портретов были у Голицына: В. К. Владимира Киевского, царей — Ивана IV, Феодора Ивановича, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора, Ивана и Петра Алексеевичей; четыре персоны королевских. На стенах палаты в разных местах пять зеркал, одно в черепаховой раме. В той же палате 46 окон с оконницами стеклянными, в них стекла с личинами. В спальне в рамах деревянных вызолоченных землемерные чертежи печатные, немецкие, на полотне; четыре зеркала, две личины человеческих каменных арапские; кровать немецкая ореховая, резная, резь сквозная, личины человеческие и птицы и травы; на кровати верх ореховый же резной, в середине зеркало круглое; цена 150 рублей. Девять стульев обиты кожами золотными; кресла с подножием, обиты бархатом. Много было часов боевых и столовых во влагалищах черепаховых, оклеенных усом китовым, кожею красною... <…> У первого министра было много книг» [16, с. 1050–1051]. Внимание писателя в этом перечне не могла не привлечь кровать («кровать немецкая ореховая»), подаренная царевной Софьей в 1678 г., о чем особо упоминает в примечании Соловьев («с позолотою и росписанием») [16, с. 1051]. В романе Толстого «Петр Первый» эта кровать станет молчаливым свидетелем тайной встречи царевны и ее любовника. «— Сонюшка здравствуй, свет мой… Она, не отвечая, подняла хмурое лицо, пристально зелеными мужичьими глазами глядела на Василия Васильевича. Он в недоумении остановился, не дойдя до кровати... <…> Сидя на кровати, — широкая, с недостающими до полу ногами, горяче-влажная под тяжелым платьем, Софья неприветливо оглянула Василия Васильевича» [18, с. 67]. На все уговоры Голицына не обращать внимания на «недобрые слухи», «воровские разговоры», она зло отвечает, застучав ногтями по столбику кровати: «— Бросить? — Она ногтями застучала по столбику кровати, зубы у нее понемногу зло открылись» [18, с. 67].

Следуя за описанием убранства Голицынских палат по описям после его свержения, приводимым Соловьевым, Толстой перенимает и трагическую тональность по-

вествования историка. «В 1689 году в другой раз эти великолепные палаты увидали господина своего, печально возвращавшегося из неудачного похода <…>. Оберегатель находился в тяжком положении» [16, с. 1052]. Построенный Голицыным на пике карьеры дворец станет свидетелем тяжких раздумий опального князя. Жена и сын были уже в подмосковном Медведково, имении, принадлежавшем Голицыну с 1687 г. (ныне памятник федерального значения, расположенный по адресу: ул. Заповедная 52), но Василий Васильевич медлил бегством. «Дорожная карета с вечера ждала у черного крыльца, домоправитель и несколько старых слуг дремали в сенях. Василий Васильевич сидел перед свечой, сжав голову. Муха с опаленными крыльями валялась кверху лапками. Огромный дом был тих, мертв. Чуть поблескивали знаки зодиака на потолке, и греческие боги сквозь потемки глядели на князя. Живы были лишь сожаления, раздиравшие Василия Васильевича» [18, с. 156]. Нелегко далось князю решение уехать из Москвы в Медведково, оттуда он отправляется к Петру в Троице-Сергиеву лавру, а затем — в пожизненную ссылку.

Несмотря на тщательно выписанные интерьеры комнат, в романе отсутствует описание внешнего облика хором князя. В вышедшем в 1924 г. путеводителе по Москве говорилось: «Против этого двора, на другой стороне Охотнорядской площади, во дворе владения № 3, стоит привлекающий внимание своим старинным видом дом, — судя по всем данным, остатки палат любимца царевны Софьи... <…> К сожалению, не дошло до нас даже рисунков внешнего вида голицынских хором, о котором можно только гадать, глядя на угрюмый и искалеченный переделками дом во дворе» [11, с. 125–126]. Усадьба Василия Васильевича Голицына располагалась в Охотном ряду, между улицами Тверской и Дмитровкой, но Голицын не строил новый каменный дворец, а перестраивал и достаивал палаты, которые унаследовал от отца, князя Василия Андреевича Голицына. С. К. Богоявленский предполагал, что в 1684 или 1685 гг. началась перестройка дома и ко времени опалы завершены работы еще не были, в частности, не все палаты были покрыты кровельным железом, которое выписывали из Швеции (см. подробнее: [5, с. 230]), отсюда злобное замечание героя романа «Петр Первый», Василия Волкова, «снаружи обиты они медными листами». После опалы в 1689 г., лишившись «богатого хозяина», как пишет Богоявленский, палаты Голицына горели четыре раза за 25 лет, в 1692, 1696, 1709 и 1713-м гг. [5, с. 221, 222], что, разумеется, не могло не повлиять на внешний облик дома. В 1924 г. В. А. Никольский писал: «К сожалению, не дошло до нас даже рисунков внешнего вида Голицынских хором, о котором можно только гадать, глядя на угрюмый и искалеченный переделками дом во дворе», к 1928-му был в значительной мере реставрирован. В 1926 г. Богоявленский прочел доклад, посвященный усадьбе Голицына в Охотном ряду на заседании комиссии «Старая Москва», но вскоре — в 1934 г. — здание снесли [10, с. 19].

Свидетельства французского посланника, описание дома опального князя, приводимые Соловьевым, а, возможно, и личные впечатления от увиденного, в частности, внешний облик отреставрированного в 1928 г. здания, были использованы Толстым не только при описании Голицынской усадьбы, но и создании образа ее владельца. Писать роман для Толстого означало жить вместе с героями: «Их выдумываешь, но они должны ожить, и, оживая <…> вы начинаете следить за их поступками, подталкивать их в сторону главной линии, страдать вместе с ними, расти, а иногда и срываться в бездну вместе созданным призраком…» [19, с. 138]. «Ваши персонажи, — писал Р. Роллан об умении Толстого создавать образы в окружающей их обстановке, — составляют не-

отъемлемую часть воздуха, земли, света, среды своего времени. Вы умеете выражать тончайшие оттенки этой среды одним взмахом кисти» [13, с. 263]. Образ московских усадеб — крестьянских дворов, городских помещичьих и парадных княжеских палат — в романе «Петр Первый» складывается из детских впечатлений писателя, выросшего на степном хуторе в окружении деревенских домов, более поздних личных наблюдений и тщательного изучения исторических источников, что позволило автору воссоздать образ утраченной Москвы Петровского времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Александрова С. А.* Дворянские усадьбы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, 2011. 192 с.
2 Алексей Толстой и Самара: из архива писателя. Куйбышев: Книжное изд-во, 1982. 368 с.
3 *Бабина С. А.* Дворянские усадебно-парковые комплексы Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 75–82.
4 *Беловинский Л. В.* Российский историко-бытовой словарь. М.: Тритэ; Российский архив, 1999. 527 с.
5 *Богоявленский С. К.* Научное наследие о Москве XVII века. М.: Наука, 1980. 271 с.
6 *Густова Л. И.* Трансформация образа усадьбы в русской поэзии XVIII – первой трети XIX веков: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006. 160 с.
7 *Даль В. И.* Толковый словарь: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 4. 688 с.
8 Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII–XX вв.: Исторические очерки. М.: Эдиториал УРУСС, 2001. С. 53–55.
9 *Забелин И. Е.* История города Москвы. Сочинение Ивана Забелина, написанное по поручению Московской Городской Думы. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. 636 с.
10 *Можаев А. В.* Усадьба Василия Голицына в Охотном ряду // Архитектурное наследство. М.; СПб.: Коло, 2015. № 63. С. 19–33.
11 *Никольский В. А.* Старая Москва. Историко-культурный путеводитель. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1924. 205 с.
12 Новый мир. 1929. № 7. С. 67–103.
13 Переписка А. Н. Толстого: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. 430 с.
14 *Перепелкин М. А.* Усадьба и ее окрестности в повести А. Н. Толстого «Детство Никиты» // Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 3. С. 22–40.
15 Русская старина. 1891. Т. 71. № 9. Сентябрь. С. 419–450.
16 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 6 кн. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1911. Кн. 3. 1580 с.
17 *Толстой А. Н.* Петр Первый. Л.: Прибой, 1930. 387 с.
18 *Толстой А. Н.* Петр Первый. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932. 301 с.
19 *Толстой А. Н.* Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 10. 712 с.

***

© 2020. Anna S. Akimova
Moscow, Russia

"IN THE MOSCOW ESTATES": A. N. TOLSTOY'S NOVEL *PETER THE FIRST* AS AN ESTATE TEXT

Acknowledgements: The study is performed at A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with support of the Russian Science Foundation under the grant of the Russian scientific foundation (research project n 18-18-00129).

Abstract: The childhood of Alexey Nikolaevich Tolstoy passed on the steppe farm Sosnovka where his stepfather's A. A. Bostrom's estate was located. Subsequently, the writer reproduced both external appearance of the estates familiar to him, and the inhabitants of the estates and their way of life on the pages of his works. Everything that Tolstoy saw in his childhood (peasant yards, the life of a small-scale Samara estate (called 'khutor'), a city estate) found reflection in his works and, in particular, in the manor texts, which undoubtedly include the novel *Peter the Great*. The paper considers the A. N. Tolstoy's novel *Peter the Great* as an 'estate text'. The first book of the novel is set in Moscow, in Kitay-Gorod. Tolstoy recreates in great detail the life of the city and its inhabitants that has gone into the past, which in the late 17th – early 18th centuries, according to the historian I. E. Zabelina looked like a big village. The descriptions of the peasant household, Moscow nobles estates and princely mansion are based, on the one hand, on the writer's impressions and, on the other, on historical sources and represent the image of the estate. The estate plot closely connected with the characters living (both fictional and historical ones), with life of the city and the state. The novel provides a comprehensive description of the courtyard of the poor peasant Brovkin, the impoverished nobleman Volkov, as well as based on the testimony of the French envoy De Neuville and the work of S. M. Solovyov, a detailed image of the Moscow chambers of Prince V. V. Golitsyn. Childhood memories, historical sources and creative imagination allow Tolstoy to painstakingly recreate on the pages of the novel not only the image of the lost Moscow of Peter's time, but also the ones of its inhabitants.

Keywords: A. N. Tolstoy, the novel *Peter the First*, the estate text, S. M. Solov'ev, history of Moscow.

Information about author: Anna S. Akimova — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0732-1854. E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Received: September 09, 2019
Date of publication: December 28, 2020
For citation: Akimova A. S. "In the Moscow estates": A. N. Tolstoy`s novel Peter the First as an estate text. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 235–244. (In Russian) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-235-244

REFERENCES

1 Aleksandrova S. A. *Dvorianskie usad'by Samarskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Noble estates of the Samara province in the second half of the 19th – early 20th century: PhD Dissertation]. Samara, 2011. 192 p. (In Russian)

2 *Aleksei Tolstoi i Samara: iz arkhiva pisatelia* [Alexa Tolstoi and Samara: from the archive of the writer]. Kuibyshev, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1982. 368 p. (In Russian)
3 Babina S. A. Dvorianskie usadebno-parkovye kompleksy Samarskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Noble manor and Park complexes of the Samara province in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2009, vol. 11, no 6, pp. 75–82. (In Russian)
4 Belovinskii L. V. *Rossiiskii istoriko-bytovoi slovar'* [Russian historical and everyday dictionary]. Moscow, Trite, Rossiiskii arkhiv Publ., 1999. 527 p. (In Russian)
5 Bogoiavlenskii S. K. *Nauchnoe nasledie o Moskve XVII veka* [Scientific heritage about Moscow of the 17th century]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 271 p. (In Russian)
6 Gustova L. I. *Transformatsiia obraza usad'by v russkoi poezii XVIII – pervoi treti XIX vekov* [Transformation of the image of manor in Russian poetry of the 18th – first third of the 19th centuries: PhD Dissertation]. Pskov, 2006. 160 p. (In Russian)
7 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar': v 4 t.* [Explanatory dictionary: in 4 vols.] Moscow, TERRA Publ., 1995. Vol. 4. 688 p. (In Russian)
8 *Dvorianskaia i kupecheskaia sel'skaia usad'ba v Rossii XVII–XX vv.: Istoricheskie ocherki* [Noble and merchant rural estate in Russia of the 17th–20th centuries: Historical essays]. Moscow, Editorial URUSS Publ., 2001, pp. 53–55. (In Russian)
9 Zabelin I. E. *Istoriia goroda Moskvy. Sochinenie Ivana Zabelina, napisannoe po poruchcheniiu Moskovskoi Gorodskoi Dumy* [History of the city of Moscow. The work of Ivan Zabelin, written on behalf of the Moscow city Duma]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1902. 636 p. (In Russian)
10 Mozhaev A. V. Usad'ba Vasiliia Golitsyna v Okhotnom riadu [Vasily Golitsyn's estate in Okhotny Ryad]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage]. Moscow, St. Petersburg, Kolo Publ., 2015, no 63, pp. 19–33. (In Russian)
11 Nikol'skii V. A. *Staraia Moskva. Istoriko-kul'turnyi putevoditel'* [Old Moscow. Historical and cultural guide]. Leningrad, Izdatel'stvo Brokgauz-Efron Publ., 1924. 205 p. (In Russian)
12 *Novyi mir*, 1929, no 7, pp. 67–103. (In Russian)
13 *Perepiska A. N. Tolstogo: v 2 t.* [Correspondence of A. N. Tolstoy: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1989. Vol. 2. 430 p. (In Russian)
14 Perepelkin M. A. Usad'ba i ee okrestnosti v povesti A. N. Tolstogo "Detstvo Nikity" [The estate and its surroundings in the story of A. N. Tolstoy "Nikita's Childhood"]. In: *Aleksei Tolstoi: dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: dialogues with time]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, vol. 3, pp. 22–40. (In Russian)
15 *Russkaia starina*, 1891, vol. 71, no 9, September, pp. 419–450. (In Russian)
16 Solov'ev S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen: v 6 kn.* [History of Russia since ancient times: in 6 books]. St. Petersburg, Izdanie Tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za" Publ., 1911. Book 3. 1580 p. (In Russian)
17 Tolstoi A. N. *Petr Pervyi* [Peter the First]. Leningrad, Priboi Publ., 1930. 387 p. (In Russian)
18 Tolstoi A. N. *Petr Pervyi* [Peter the First]. Leningrad, Izdate'stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1932. 301 p. (In Russian)
19 Tolstoi A. N. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.] Moscow, GIKhL Publ., 1961. Vol. 10. 712 p. (In Russian)